

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor
Miguel Kireeff

Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

Año XXXV Buenos Aires, Viernes 22 de Octubre de 1982

Буэнос Айрес,

пятница, 22 октября 1982

N° 1682

АНАТОЛИЙ БОР

АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

О ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

“Теперь я к основному перейду. Один, стоявший скромно в уголке спросил: — А что имели вы в виду в такой-то песне и в такой-то строчке? —
Ответ: — Во мне Эзоп не воскресал.”

Однако этот ответ поэта любопытному журналисту конечно не зачеркивает того, что многие его песни выражали протест. Символ и аллегория поэтического языка Высоцкого запечатляли жесткую реальность, которую слушатели без труда узнавали. Слышим ли мы умолкающие звуки “расстрелянного горного эха”, встречаемся ли мы с омерзительными палаческими “Масками”, присутствуем ли мы при уничтожении волков в ловушке отмеченной красными флажками, расстаемся ли мы с водолазом не пожелавшим возвратиться на сушу, где столько жестокой тишины, слушаем ли мы исповедь измученной души, желающей лечь на дно, подобно подводной лодке, чтобы не могли бы “запеленговать” — мы везде встечаемся с деталями реальности под игм “краснофлажковой” тирании... В океане бесправия гремит аллегория Высоцкого призывом о спасении гибнущих человеческих душ.

Эмблема высоты — трудно доступные вершины гор — ярко запечатлена поэтом. Скупое, но меткое схвачена психология альпиниста. Покоренная вершина ассоциируется с духовным ростом, обретением смелости:

“Ну, вот исчезла орошь в руках
Теперь — наверх!
Ну, вот сорвался в пропасть страх
Навек, навек.”

Здесь — на вершине можно убить в себе все свои сомнения, поверить “в чистоту снегов и слов” и быть убежденным, что в мире нет таких вершин, что взять нельзя!!! Истинность друга может хорошо проверить опасность в горах. Если друг таких душевных качеств, что “когда ты упал со скал, он стонал, но держал” — можешь такому верить, как самому себе... Спуск с гор овеян романтической печалью, ибо сердце поэта остается там, на алтаре чистоты — на вершине... Просветленная грусть диктует прозрачные, как родник строки:

“Так оставьте ненужные споры.
Я себе уже все доказал:
лучше гор могут быть только горы,
на которых еще не бывал.”

Великолепие вершин убеждает в том, что

“внизу не встретишь, как не тянись,
за всю свою счастливую жизнь
десятой доли
таких красот и чудес”...

Если бы не было бы известно, что Высоцкий родился в Москве — можно было бы подумать, что он родился на Кавказе... Акмеизм со всеми своими поэтами не обогатил русскую лирику воспеванием своей эмблемы (акме по гречески — вершина) так, как это глубокомысленно сделал Высоцкий.

Стоит ли удивляться тому, что любимейшим цветом поэта чаще всего встречающимся в его стихах, является *белый* цвет? Нельзя этого не сделать по той причине, что белый цвет в стране “социалистического реализма” ассоциируется с врагом. Вот как это нам разъясняет батальонный комиссар К. Симонов:

“Я шкурой знал, когда сквозь строй
прошел там,
Знал кожей сжатых кулаков своих:
Мир неделим на черных, смуглых,
желтых,
А лишь на красных — нас и белых их.
На белых — тех, что, если приглядеться,
Их вид на всех материках знаком.
На белых — тех, как мы их помним
с детства,
В том самом смысле. Больше ни
в каком.”

(Напомним читателям, что слово “материк” имеет на советском жаргоне еще и значение нецензурного ругательства, благодаря чему “лирическая” строка с омонимом грязно двусмысленна). После таких вразумлений воспевать белый цвет, как символ чистоты — удел поэтов любящих рисковать... И вот восхищение этим цветом в стихах “Белый вальс” и “Белое безмолвие” излито с такой жаждою этой незапятнанной белизны, что незачем и

спрашивать: почему так рано — сорока двух лет — умер поэт... Как бы из иного потустороннего мира теперь звучат нам эти строки влекущие к обаянию абсолютно белого:

“Как давно снятся нам только
белые сны,
все иные оттенки снега земли.”

Несмотря на то, что Высоцкий не был участником Второй мировой войны его песни посвященные батальным темам ярко запечатлели пекло сражений. Удивительная творческая фантазия поэта сроднила его настолько с темой переживаний на фронте, что получается впечатление, что пишет поэт-фронтовик.

Все тот же батальонный комиссар К. Симонов в одной из статей посвященной трудностям работы военного корреспондента пожаловался, что на истребителя для военкора нет места. Репортаж военных действий можно дать побывав и в окопах, и в танке, и на подводной лодке, но при описании воздушного боя нужно пользоваться пересказом летчика-истребителя. Однако как поэт К. Симонов не имел права на эту жалобу: назвался поэтом — полезай своею фантазией в ад, как это сделал Данте... И вот Высоцкий изображает ад воздушного боя! Отрывистые, нервные фразы самого пилота идущего на смерть и погибающего в неравном бою, обжигают душу слушателя:

“Их восемь, нас — двое. Расклад
перед боем
не наш, но мы будем играть.
Сергея, держись. Нам не светит
с тобою,
но козыри надо ронять!
Я этот небесный квадрат не покину,
мне цифры сейчас не важны.
Сегодня мой друг защищает мне
спину,
а значит — и шансы равны.”

Простые и трезвые фразы правдиво раскрывают характер самого героя. Вот они обращены к своему боевому другу:

“Сбей пламя, уйди в облака, я
прикрою!..
В бою не бывает чудес.
Сергей, ты горишь, уповай, человеке.
теперь на надежность лишь строп.
Нет, поздно, и мне вышел “мессер”
навстречу.
Прощай, я приму его в лоб!..”

Два героя, два друга гибнут в бою,

но их души достигают рая. Доблесть и преданность достойны его.

В другой песне, посвященной той же трудной теме, "Гибель истребителя" олицетворен военный самолет и от имени этого необыкновенного свидетеля рассказано о действиях летчика.

"Вот сзади заходит ко мне "мессершмитт",

*Уйду — я устал от ран.
Но тот, который во мне сидит,
я вижу, решил — на таран!"*

Летная машина, построенная с учетом "порогов" надежности и сопротивления материалов, с нотками неодобрения отзывается о фигурном пилотаже летчика, но тем ярче, благодаря этой иронии, запечатлется героизм и мастерство пилота:

"Что делает он, ведь сейчас будет взрыв!.."

*Но мне не гореть на песке,
запреты и скорости все перекрыв,
я выхожу из пике."*

Гибнет наконец летчик:

*"Но тот, который во мне сидел,
вдруг ткнулся лицом в стекло."*

Рушится самолет. А память слушателя хранит припев похожий на шум пропеллера, и всю картину воздушного боя. "Смерть истребителя" — принадлежит к числу драгоценных литературных находок. А их так много у Владимира Высоцкого, что конечно объем газетной статьи не позволит их перечислить.

Песня "Черные бушлаты" передает мысли и чувства сапера взрывающего вражеский форт:

*"Сегодня на людях сказали:
"Умрите геройски!"
Попробуем, ладно, увидим, какой
оборот.*

*Я только подумал, чужие куря
папирски:
тут кто как сумеет, мне — важно
увидеть восход."*

Правдиво схвачен снимок подспудных переживаний человека уже свыкшегося с опасной службой. На официальный приказ: умереть, но выполнить задание, лирический герой отвечает грустной иронией: "Попробуем, ладно, увидим... Тут кто как сумеет..." В умении передать драматический момент без нажима, а с этой удивительной и дорого стоящей простотой — секрет покоряющего триумфа песен Владимира Высоцкого. И многие из них похожи на краткие психологические новеллы в стихах. Неистощимая жажда изображения сильных волевых натур приводит поэта к тематической многогранности. Поэт знакомит нас с подспудной психологией человека "с характером", человека любящего риск. Галерея опозитизированных смельчаков многолична: рыцарь, сражающийся в турнирном поединке, парашютист, совершающий затаенный прыжок, канатоходец, балансирующий на канате, альпинист, поднимающийся по отвесной скале, спортсмен, поднимающий рекордный вес, геолог, находящий нефть в тайге, фронтовики, идущие "с Богом" добровольцами в "разведку боем", лучники Робин Гуда разящие без промаха. Все эти неугомонные мятежные "типы" имеют какую-то магическую притягательную силу: достаточно вам однажды услышать песню о них, как их умонастроение или сказанные ими слова будут еще долго тревожить вашу

душу и память. Слов нет, романтика волевых натур удалась Владимиру Высоцкому!

Но не менее замечательны и великолепны его юмористические произведения. Упомянем хотя бы самые характерные из них. В "диалоге у телевизора" осмеяны советские обыватели, споры которых о мелочах быта занимают больше, чем транслируемая программа телевидения. "Объяснительная записка к милиционерскому протоколу" — это как бы стенографическая запись разглагольствования пьяного попавшего в вытрезвильню. Свообразная логика подвипившего человека, его фразеология, его лексикон не могут не смешить. Ключ юмористического эффекта найден поэтом в умении художественно копировать разговорный язык обывателя:

*"Товарищ первый нам сказал, что,
мол, уймись,
что не буйтесь, что разойдитесь.
Ну "разойтись" я сразу согласился —
я разошелся, и расходился.
Но если я кого ругал, карайте
строго,
ну это вряд ли, скажи, Серега!"*

В приведенной цитате обращает на себя внимание виртуозное использование омонимов и синонимов. Поэт глубоко знает родной язык и умеет пользоваться его драгоценным кладом. Пословицы, поговорки, идеоматические выражения, крылатые слова, реминисценции устного народного творчества — вся мощная и многоумная языковая стихия, является тем магическим кристаллом, через который преломляется опозитизированная правда жизни. Анализ притягательных особенностей художественного языка Высоцкого можно было бы посвятить отдельную книгу. Ограничимся скудными цитатами. Вот например, лирический герой, умоляет свою любимую:

*"Соглашайся хотя бы на рай в
шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял."*

Кому же не известна пословица: "С милым рай и в шалаше". Однако лирический герой награжден изысканным вкусом — он не хочет быть навязчивым, он просит согласиться "на рай в шалаше", а уж о том, что он "милый" или нет, он предоставляет право выбора самой девушке, знающей, разумеется, пословицу целиком. Прием *умолчания* обогащает художественную прелесть языка. Высоцкий владеет тем подспудным "между-строчным" языком, который текстологи называют *мета-языком*.

Щедро разнообразно строфика песен. Искренние интонации устного народного творчества как бы повторяются в лучших песнях поэта: *"Кто поверил, что землю сожгли?
Нет, она почернела от горя"*.

Или еще та же фольклорная напевность:

*"Что за дом притих, погружен во
мрак,
На семи лихих продувных ветрах...?"*

Богатырской былинной мощью веет от монументальной гиперболы: — "Мы вращаем Землю!"

Предчувствуя свой скорый уход из этой жизни, поэт описал процедуру своих предстоящих похорон и установления памятника на своей могиле в стихотворении "Дом":

*"А потом, по прошествии года,
Как венец моего исправления,*

*Крепко сбитый литой монумент
При огромном скоплении народа.
Открывали под бодрое пенье —
Под мое — намагниченных лент.
Тишина надо мной раскололась,
Из динамика хлынули звуки,
С крыш ударил направленный свет
Мой отчаянием сорванный голос
Современные страдания науки
Превратили в изящный фальцет."*

И далее мрачная фантазия поэта поет о своей попытке подняться из гроба...

*"Командора шаги злы и гулки.
Я решил, как во времени оном,
не пройтись ли, по плитам звеня?
И шаркнулись толпы в проулке,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.
Накренился я, гол, безобразен,
Но и падая, вылез из кожи,
Дотянулся железной клюкой...
И когда уже грохнулся на землю,
Из разорванных рупоров все же
Прохрипел я: — Похоже, живой!"*

Такова авторская оценка своего собственного творчества и она объективна: песни созданные им звучат и радуют живущих — значит жив будет и он, их создатель — даже после своего ухода из жизни.

Но не исключена возможность предположить, что песня "Дом" имеет глубокий аллегорический смысл: — истинный дом души человеческой — потусторонний мир... Этот лейтмотив встречается в народных песнях, посвященных обряду похорон, в которых просторечное слово *домовина* (синоним слова гроб) своим этимологическим корнем, как бы выражает идею загробной жизни.

Булат Окуджава "Песню о Волюде Высоцком" начинает словами:

*"Как наш двор не обижали — он
в классической поре..."*

А почему бы и не согласиться с кунаком Владимира Высоцкого? Действительно — что после классики можно было бы назвать лучшим в современной русской поэзии, чем не эти покорившие всех, песни Высоцкого? Где еще вы найдете такие монументальные символы, такие патетические эмблемы, такие грохочущие аллегории, зовущие итти "против течения", как только не в них? И при триумфальном звучании этих песен, принятых самим народом, как бесцветно выглядит все хваленое официальной литературной критикой и набившее оскомину: — "За далью — даль", "Братская ГЭС", "Ты помнишь Алеша дороги Смоленщины..." Над услужливо сюсюкающей поэзией "социалистического реализма" — и подхалимажа, смелая творческая независимость Высоцкого возвышается непокоренной вершиной. Да и над нашим эмигрантским Парнасом высится все та же вершина! Представители русской лиры в изгнании заперлись на башне из сложенной кости и окончательно оглохли... Они не слышат, да и не имеют намерения услышать, поэтические сигналы о спасении гибнущих человеческих душ, идущих с нашей поработанной родины! Достаточно прочесть альманахи русских зарубежных поэтов, чтобы убедиться в глухоте их участников. "Эстафета", "На западе", "Содружество" — сборники стихов не нарушившие своей тематикой бездушный девиз аполитичности: "искусство для искусства".

Высоцкий же дал нам пример того, как надо под разбойничьим топором оставаться и поэтом и

Языковые Уродства

С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

После длительной неустойчивости и сравнительной свободы в употреблении больших и малых букв, мы приходим ныне, под руководством большевиков, к железно-твердым, но совсем неудачным правилам.

Заглавные буквы служат цели выделить личные имена и названия, указать ясно, где они начинаются и где кончаются: Иван Петрович Сидоров, Джордж Гордон Байрон. Когда писали Черное Море, Пиренейский Полуостров, Малаякий Архипелаг, Российская Империя, Среднее Царство, то это было куда логичнее, чем теперешние Черное море и т. п. Но тут еще опасность недоразумений не так велика.

А уж как мы начинаем писать Государственная дума дело вовсе плохо. Ведь главное-то слово здесь Дума, которая употребляется и отдельно, и тоже с большой буквы; так даже лучше бы (если ограничивать, — а зачем?!), — применение больших букв, писать государственная Дума. Еще хуже писать Союз писателей. Ведь важно здесь именно: чей союз? кого он объединяет? И ежели мы в конструкции Союз Писателей и Журналистов ставим маленькие буквы, — открывается дорога всяческому квипрокво. Ведь можно сказать: "Союз писателей и журналистов принимает в члены!!! или же, о каком-либо ином союзе: "Наш Союз писателей не принимает"; тогда как двусмысленность исчезает, если мы употребим заглавные буквы: "Союз Писателей и Журналистов принимает в члены следующих лиц..."

При более длинных и сложных сочетаниях (весьма частых в подсоветской речи наших дней), трудность разобраться, где кончается фиксированное сочетание становится порою значительной, а то и непреодолимой. Легко бы придумать, в виде примера, неясные, маловразумительные фразы. Серьезнее то, что таковые вполне невольно выныривают из-под пера при составлении официальных и административных текстов, — как раз там, где они всего вреднее и опаснее. Определенно нежелательно и введение прописных букв в названия органов прессы, где всегда прежде использовались большие: "Мир Приключений", "Вокруг Света", "Природа и люди". Будем благодарны, и не станем скучиться на заглавные буквы! Ясность текста существенно возрастет; а о ней-то неукоснительно в первую очередь и надлежит заботиться.

Кстати, и большевики не во всем последовательны; они, например, не пишут ведь: Союз советских социалистических республик. А такую орфографию мы бы отчасти и одобрили, в знак презрения к этому чудовищному наименованию чудовищного государства!

Аркадий Рахманов.

гражданином! И пусть соцреалистический Прокруст укоротил ему жизнь. Труд поэта Высоцкого остается классическим!

Подвиг воина-гражданина Высоцкого *вращавшего землю с ее неземными страданиями* остается богатырским!

АНАТОЛИЙ БОР

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ШМИТОВ

18 сентября с. г. в буэнос-айресском пригороде Оливос скончался русский художник Игорь Николаевич Шмитов. Покойный родился 60 лет тому назад в городе Сараево, в Югославии, и таким образом принадлежал ко второму поколению российской эмиграции, или, выражаясь иначе к первому поколению русских родившихся за границей.

Еще до начала Второй мировой войны И. Н. Шмитов юношей вступил в ряды русских разведчиков, и кончил первый в истории Курс для русских разведческих руководителей, который имел место в Югославии. Кажется, он был последним из оставшихся в живых курсантов этого курса. С тех пор, И. Н. Шмитов бесперебойно принимал участие в жизни русской разведческой организации и был в числе десяти руководителей подписавших Декларацию Первого Съезда Совета Организации Российских Юных Разведчиков, состоявшегося в 1948 году в Мюнхене. Этот съезд, фактически оформивший организационную структуру и утвердивший русскую национальную идеологию ОРЮР, постановил, что в основе российского разведчества лежит "воля к возрождению свободной, национальной России, создавшейся от основоположника своего Св. равноапостольного Князя Владимира, трудами святителей, Государей и всех людей российских...". До самой своей смерти, И. Н. Шмитов был членом Совета скаут-мастеров ОРЮР и продолжал принимать участие в воспитательной работе с русской молодежью.

Во время Второй мировой войны, как и многие молодые русские люди в эмиграции, И. Н. Шмитов двинулся на Восток, на встречу к своей родине. После

войны он оказался в Германии, где принимал деятельное участие не только в чисто воспитательной работе с молодежью, но и в общественной-политической жизни нашего Зарубежья. Вначале 50-тых годов он со семьей прибыл в Аргентину, где и проживал с тех пор.

И. Н. Шмитов учился на архитектурном факультете в Вене, специализуясь на средневековом искусстве, под руководством проф. Голей, с которым он принял участие в реставрации средневековых статуй в венском соборе Св. Стефана. Особенно привлекала к себе

И. Н. Шмитова иконопись, которую он всю жизнь изучал. Будучи знаком с древними секретами этого искусства, как они хранились в православных монастырях на Охридском озере, в Югославии, И. Н. Шмитов сам написал много икон. В 1970 году, в Буэнос-Айресе была устроена выставка его икон, а в 1980 году в пригороде Вижа Багестер была устроена подобная выставка, с докладом на эту тему.

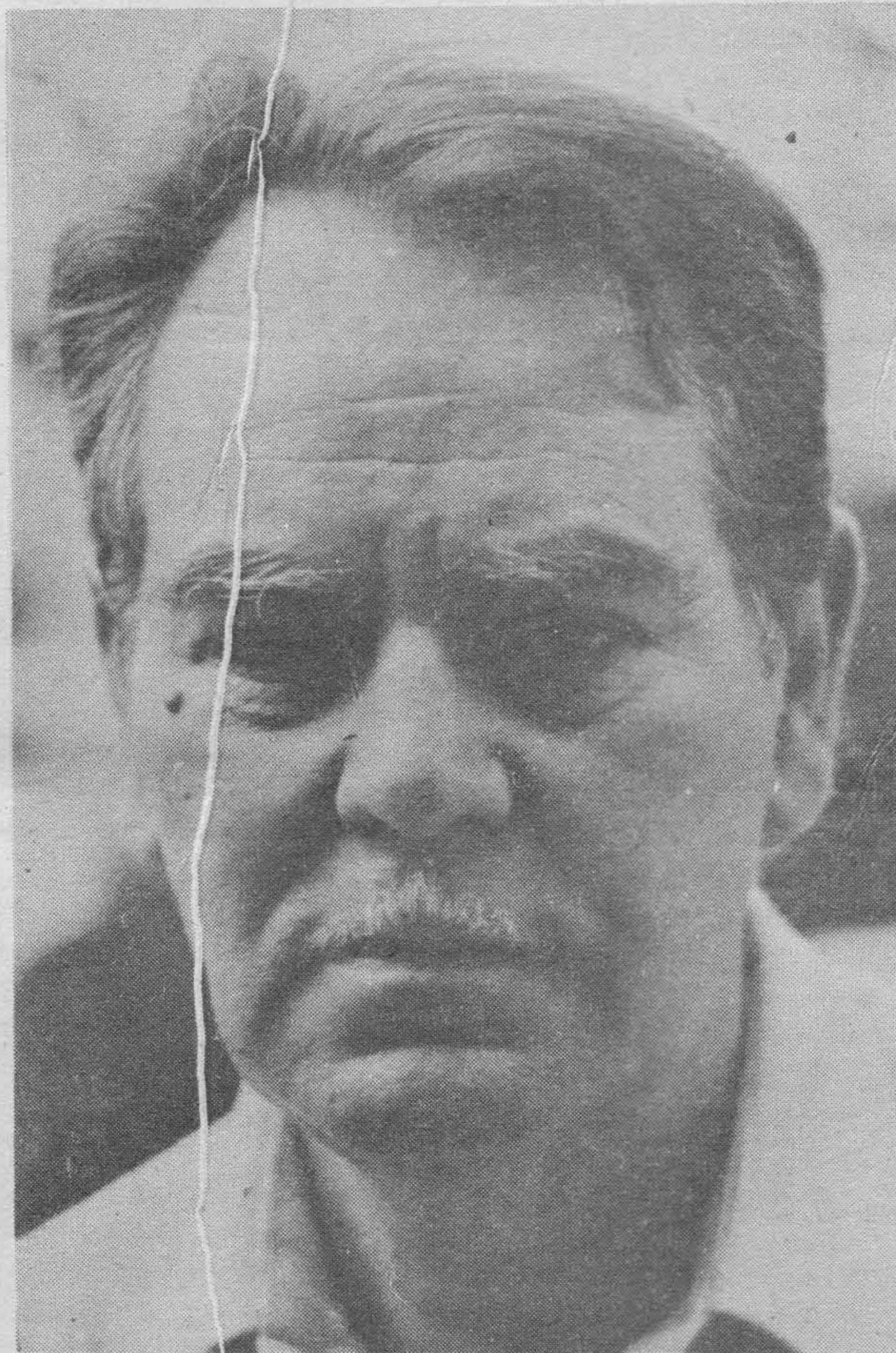
В широком поле артистических интересов И. Н. Шмитова особое место занимало декоративное сценическое искусство. Он был декоратором больше чем десятка постановок Русского Театра Для Детей в Буэнос-Айресе. Особенным успехом пользовались его декорации для русских сказок, которые многие годы ставил РТДД.

Кроме того он принимал активное участие в организации докладов с иллюстрациями на темы о русском искусстве.

В последнее время И. Н. Шмитов готовился к выставке в буэнос-айресском пригороде Висенте Лопес своих иллюстраций произведений Ф. М. Достоевского, которая должна была состояться в октябре с. г., но из-за его кончины переложена на месяц декабрь с. г.

И. Н. Шмитов по таланту был художник, но по призванию и по душе был хороший русский человек, своей жизнью подтверждавший правильность слов Архимандрита Константина, что "русскость есть качественность". Он был верным сыном России и подлинным аристократом духа.

И. А.

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

в воскресенье 7-го ноября 1982 года, в 12.30 часов, в зале при храме Св. Троицы (ул. Бразиль 315, Буэнос-Айрес) устраивает

День Непримириности

На собрание приглашаются все русские люди, считающие себя политическими эмигрантами.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Семья ГЕРИНГЕР сердечно благодарит всех своих друзей, знакомых и сослуживцев К. В. Герингера, пришедших помолиться за упокой души дорогого Владимира Николаевича, выразивших нам свое сочувствие, разделивших с нами наше горе и проводивших его в последний путь.

СПЕКТАКЛЬ РТДД

24 октября 1982 года в 16.30 и 19.00 часов в театральном зале ОРЮР, улица Буэнос-Айрес 2655 — Оливос, Русский Театр Для Детей устраивает

ЭСТРАДНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ
СКЕЧИ — КОНФЕРАНСЬЕ — ШУТКИ
ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ НОМЕРА — ПЕНИЕ — БУФЕТ

Участвуют: А. Волков, С. Вазагова, В. Шмитов, А. Герингер, Н. Баумгартен, В. Моруги, И. Беликов, В. Вьюгов, Я. Беликов, К. Баумгартен, Т. Исакова, А. Гедда, С. Исакова, Г. Чурилов, А. Попов, А. Исаков Г. Лукин (мл.)

Вход: 40.000 песо

Учащиеся: 20.000 песо

Заказы по телефону 761-4044 по субботам от 10 до 13 часов, а также и в Русской Субботней Школе ОРЮР по субботам от 9 до 14 часов.

Gimnasia y Esgrima — Cangallo 1154 — Capital (Salon de Armas)

25 октября (понедельник) в 20 часов состоится вокальный концерт с участием главных солистов театра Колон и специально приглашенной известной певицы

ЕЛЕНА САМСОНОВАЙ

которая исполнит произведения русских композиторов у рояля маэстро Эдуардо Феракани — Вход свободный

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Уж не пародия ли?

Случается, что вещи, путем медленной эволюции или стремительной мутации, превращаются в полную себе противоположность.

Первая эмиграция помнит казус, разыгравшийся в столице небольшого европейского государства. Некая титулованная дама открыла там пансион для благородных девиц, кosterный, курьезным образом, стал постепенно чем-то совсем неподобающим; так что местным властям и пришлось, в конце концов, его закрыть.

Сказка ложь, да в ней намек;
Добрый молодцам урок.

Нечто подобное происходит и с "Русской Мыслью". Начинаясь она как печатный орган хотя и невысокого пошиба, но все же, в идее своей, патриотический. Даже слишком: из узкого ведомственного патриотизма старой эмиграции (только и нужного самим отсталым и серым ее слоям), она проявляла резкую враждебность к новой (помним появившуюся в ней поносную против нас статейку под заглавием "Они и мы").

Mutatis mutandis, теперь газета пришла к заключению, будто стыдно быть русским.

Не будем ей ставить подраумеваемый контр-вопрос:

Как дошла ты до жизни такой?

Задумаемся лучше над выводами, кои из ее нынешних позиций сделать надлежит (и которые, надо полагать, читательская масса не пре-

минет и сделать).

Если позорно быть русским, то данный факт, естественно, надо всячески скрывать, тем, кто имел несчастье русским родиться; а коли можно, так и постараться его изжить. В семье надо тогда говорить только по французски (или на языке соответствующей страны, где живешь); и если за француза выдать себя не умеешь, так ведь можно называть себя поляком, болгаринном либо сербом (докопаться трудно; да и кому охота проверять?).

Понятно, в таких обстоятельствах удобнее и с соотечественниками не общаться, как русских друзей не иметь, ни на какие русские собрания, доклады, вечера или балы не ходить. А уж самое первое и самое собою напрашивающееся, — не следует ни выписывать, ни покупать русскую газету!

По ней — то тебя ведь и отличат за русского! Если же знает почталон или владелец киоска, — мудрено ли, что проведает и консьержка? А там уж и весь честной народ будет осведомлен...

Такие мысли до сих пор мало кого посещали из русских эмигрантов любого призыва, и даже вне зависимости от кровной принадлежности принимали как факт, а часто и с гордостью.

Но после торжественной передовицы г-жи Иловайской, поставившей вопрос ребром, — кто же не при-

задумается?

А впрочем, те простодушные патриоты (из той же "Русской Мысли" заимствуем эпитет!), которые поклоняются памяти Пушкина и Гоголя, здорово устали читать в парижской русскоязычной газетке издевательства и надругательства над своими кумирами. Да и те (а ведь их порядочно!) ихтиозавры (по деликатному выражению, все там же, г-на А. Лишке), которые с уважением относятся к страдальческой тени нашего последнего царя, чувствуют себя не совсем в своей тарелке, после того, как им разъяснили, что казнь Николая Второго с семьей была необходима и закономерна. Носятся слухи, что после публикации статьи г-на Лишке многие подписчики даже отказались продлить абонемент.

Относительно же оставшихся пока верными читателей, сильно мы опасаемся, что как нормальное следствие новой линии, принятой редакцией, номера газеты вынудят все в обратном количестве возвращаться обратно. Если же г-жа Иловайская пошлет кого из сотрудников навести справки на месте, то вчерашний подписчик таковому возьмет да и ответит:

— Руски газета? Нэ трэба: нэ говору по руску!

Или даже:

— Moi pas Russe; pas parler russe...

Плохая выйдет коммерция!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Дореволюционный историк — профессор Иловайский, в книге "Розыскание о начале Руси", и умудренный этой книгой подсоветский историк Мавродин, ищут историческую прародину Руси в степские летописцы и уверяют "норманисты".

Слабость германфильских и скифофильских профессоров — в их незнании базарной практики.

Государство Российское создано не железом и кровью, но рублем и дубьем. На бесчисленных торжищах приречных крутояров великого водного пути из Варяг в Греки, люди разных профессий и сословий сходились в роли Продавцов и Покупателей. Они ругались и божились, спорили и торговались до пота и совершали великое чудо: они приходили к согласию, они хлопали друг-друга по рукам и совершали сделку.

Как это согласие достигнуть в будущей России?

Думаете ли вы о будущем? Думаете? Молчком?

П. А. Журавлев (Германия)

НЕ МУЧЕНИКИ ЛИ?

В передаче новостей американским телевизионным агентством Эй-Би-Си был показан расстрел двух солдат советских оккупационных войск, захваченных в плен афганскими партизанами.

За месяц-два до этого, по другому каналу, этих же самых пленных демонстрировали зрителям Аме-

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель М. В. Киреев
Редактирует Редакционная
Коллегия

Тел. редакции 52-7426

рики с пояснением, что они будут казнены, так как не пошли на условия спасти свою жизнь ценою перехода в магометанство.

Под открытым небом, среди стражи, можно было видеть двух парней лет двадцати — одного блондина с типично великорусской фамилией, другого смуглого южанина, по фамилии судя — с Волыни или Галиции. Оба — в полном спокойствии, при явственном сознании своей обреченности. Их обоюдная решимость являла собой символический пример национальной стойкости — верности и воли представителей двух ветвей единого народа.

И вот расстрел. Запросто, без всяких приготовлений, из близости, тремя афганцами. Сперва один, потом поодаль другой, падают сраженные пулями. А за этим пристрелили. И еще встряска уже лежащих тел. Смотришь, и все равно сердце пронизывается жгучей болью точно у непосредственного свидетеля.

Не зная их имен (лишь фамилии названы были), не можешь, как подобает, помянуть в мыслях: да ведь мученики они! Только стоит вдуматься в глубину подвига и тогда неотъемлемый ореол в котором они предстали перед Богом — очевиден. Ведь отказ то требовали у них не от коммунизма. Так, в конечном итоге, — не русские ли это солдаты?

Как ни богата наша история примерами подобного героизма, однако все-же не уложить их в общее правило. Были на Руси, наряду с проявлением величия духа, и примеры обратного порядка. Галицкий князь Даниил принял католичество и получил в воздаяние титул короля от римского Папы. А в Ярославле, во времена татарского ига, некий инок Зосима стал отступником — перешел в магометанство, за что потом и был расстрелян.

Эй-Би-Си предоставило нам возможность познакомиться с подвигом, в наши времена всеобщего приспособленчества, особенно назидательным. Ко всему надлежит добавить, что по иным сообщениям другим и того хуже пришлось — смерть приходила через жестокие мучительства, которым подвергали захваченных.

Здесь уместно вспомнить, что Церковь наша причисляет мучеников, пострадавших за веру Христову, к Святым. Особенно яркий пример тому прославление 40 воинов из Кесарии, бывших в составе римских войск. При гонении, эти мученики отказались отречься от Христа, за что были преданы умерщвлению; произошло это в 320 году. Церковь вспоминает поименно всех 40 святых. В тропаре им посвященном поется: "Страстности слава вечесне, воим Христовы... слава давшеему вам крепость..."

Кто как не Господь Бог дал крепость и этим двум героям, погибшим в плену; "положити душу свою", но не отречься от веры.

В. Ю. Сербин (Канада)

Трибуна Читателя

А О БУДУЩЕМ?

В № 1669 "Нашей Страны" помещена большая и интересная статья "Кубань верна монархии".

Однако слабая сторона статьи — ее устремленность в прошлое.

А вот как монархисты представляют себе будущее нашей родины, на сей счет — ни гу-гу.

Идея монархизма практического и репрезентативного мне по сердцу, но идею сию монархисты, как сказочную Жар-Птицу в мешок спрятали.

За мое 40-летнее пребывание в Зарубежье я ознакомился с интеллигентными русскими людьми, прошедшими созданные Черчиллем траншеи Галлиполи (после эвакуации из Крыма в 1920 г.), а также с русскими людьми прошедшими лагерь ГУЛАГА. И те и другие пишут о настоящем и о прошлом, несмотря на то, что человека русского, многомиллионного Ивана Ивановича, интересует преимущественно будущее.

Поэтому, мы должны критически относиться, как к мудрости Галлиполийцев, так и к мудрости Гулагийцев. Галлиполийское бытие повляло на сознание Галлиполийцев, лагерное бытие — на сознание Гулагийцев, но для русских людей рождения 1946 года и история полуострова Галлиполи и история

сталинских лагерей — нечто бледное и неинтересное.

Современных людей интересует будущее, интересует выход из современного мирового политического тупика.

В. Нилов, в статье "Геноцид русских" "Свободное слово Карпатской Руси" делает одно, очень важное, замечание: "Запад загоняет нас в ситуацию 1941 года, когда СССР и Россия слились, чтобы разгромить врага". Однако, также и "Восток", упорствуя на суловщине, загоняет "Запад" в ситуацию 1939 года.

Задача русских возродить Двуглавого Орла, как символ Государства Российского, оборонявшегося на Море Варяжском и на Окее Великом.

Кто навязал нам пятиконечную звезду масонства-сионизма-троцкизма?

Похерить ее!

В учебнике истории России имеется вранье двух сортов: а) Германфильское б) Скифофильское.

Германфильсы уверяют, что Государство Российское создал германский меч и они отвергают все "доваряжское".

Скифофильсы же отрицают наши антропологические, торговые, социальные и культурные связи со Скандинавией и орут: "Мы — скифы!" (под аплодисмент Запада).